

УДК 81'221.24

DOI: 10.17223/19986645/71/3

Г.В. Губина, М.О. Гузикова

НЕМАНУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ЖЕСТОВОЙ РЕЧИ В МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ¹

Исследуется функционирование немануального компонента жестовой речи в рамках мультилингвальной жестовой коммуникации. В условиях относительной униmodalности проводится мультимедийный опрос носителей и пользователей двух жестовых языков. Предварительные выводы подтверждают значимость немануальных маркеров и высокую степень их влияния на понимание иностранной жестовой речи, а также выявляют зависимость этого влияния от отношений между используемыми языками.

Ключевые слова: жестовая речь, немануальный компонент жестовой речи, немануальные маркеры жестовой речи, жестовое мультиязычие, бимодальность, униmodalность, межъязыковое взаимодействие глухих

Немануальный компонент и немануальные маркеры

Жестовые языки глухих и слабослышащих людей (далее – ЖЯ), несмотря на свое название, состоят не только из жестов рук. О наличии в них минимальных структурных единиц, аналогичных фонемам звучащих языков, впервые заговорил американский лингвист Уильям Стоуки, выпустивший фундаментальный труд «Sign language structure» [1]. В нем Стоуки не только дал обзорное описание лингвистики американского ЖЯ, но и определил главные мануальные составляющие жеста: локализацию, характер движения и конфигурацию руки. Позднее исследователи дополнили список минимальных компонентов ориентацией руки [2] и немануальной составляющей [3], к которой относятся такие речевые маркеры, как мимика, артикуляция, а также движения головой и корпусом тела (далее – немануальные маркеры). В список немануальных артикуляторов обычно входят голова, части лица, плечи, туловище. Отдельно отмечается артикуляция рта, состоящая из «маусинга» – зачастую беззвучного проговаривания губами слов звучащего языка, и губных жестов (жестов рта), воспроизводящихся независимо от звучащего эквивалента [4].

Будучи неотъемлемой частью жестового языка как лингвистического явления, немануальный компонент, однако, еще не изучен в должной мере. Кроме того, ранее немануальные маркеры игнорировались лингвистами вовсе, что могло быть связано с их ошибочной отнесенностью к эмоциональной составляющей речи и распространенной ассоциацией с ее экспрессивным выражением. Все изменилось, когда в 1999 г. исследователи

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09136/19.

миими носителей ЖЯ показали, что у глухих людей выражение эмоций контролируется правым полушарием, в то время как левое полушарие отвечает за выражение лингвистической информации [5]. Таким образом, в результате эксперимента было доказано, что немануальное сопровождение жестов в речи глухих является частью языка, а не его эмотивным компонентом. С этого момента лингвисты начали проявлять интерес к немануальному компоненту как к элементу языковой системы, однако объектом обширных исследований он все еще становится не очень часто [6. Р. 22]. Тем не менее немногочисленные исследования показывают, что использование данного явления затрагивает все уровни языковой системы – от не несущих смыслового значения фонологических компонентов лексических единиц до дискурсивных маркеров [7. Р. 668]. Более того, некоторые работы доказывают, что немануальные маркеры также могут быть обязательным фонологическим компонентом жеста, проявляющимся, к примеру, при разграничении понятий, схожих или совпадающих мануально («минимальные пары жестов») [8. С. 89].

Анализируя специфику употребления немануальных и комбинированных жестов, языковеды классифицируют функции немануального компонента, отталкиваясь от разных оснований и пользуясь методологией, зависящей от конкретного направления исследования. Например, французская исследовательница Эмили Шетла-Пеле определяет эти функции, исходя из выделения двух условных уровней, в которых он проявляется, – лексического и уровня высказывания [6. Р. 22]. Нидерландский лингвист Роланд Пфау делит функции немануального компонента на грамматические (фонология, морфология, синтаксис, прагматика) и просодические (ударение, ритм, интонация) [9. Р. 383]. Обобщая результаты последних исследований, кратко охарактеризуем некоторые функции немануальных маркеров: морфологическую, синтаксическую, просодическую и социолингвистическую.

Морфологическая функция немануального компонента включает в себя в основном две сферы влияния – процесс адъективации при изменении жеста-существительного и процесс адвербиализации при изменении жеста-глагола [9. Р. 385]. Существуют исследования, устанавливающие корреляцию между частью речи мануального жеста и сопровождающим его немануальным маркером. Отмечается, например, что в ряде ЖЯ жесты-существительные чаще сопровождаются артикуляцией, а жесты-глаголы – жестами рта. Это проявляется, в частности, в русском [10. Р. 170], австрийском [11] и ирландском [12] ЖЯ.

Немануальный компонент имеет и важное синтаксическое значение. Нахмуренными бровями и энергичными поворотами головы чаще всего маркируется отрицание (в русском, польском [13. Р. 314], американском, германском и большей части других жестовых языков [14. Р. 11]); приподнятые брови и подбородок могут активно участвовать в составлении вопросительных конструкций [15. Р. 186] и маркировании модальности высказывания (существуют модальные выражения лица, отвечающие за определение гипотезы, условности, двойственности, выражение императива [2. Р. 230–232]). Повелительное наклонение и некоторые способы выра-

жения просьбы могут проявляться пристальным взглядом на адресата и суженными глазами, наклонами головы и/или корпуса вперед, покачиванием головой и опусканием уголков губ, нахмуренными бровями [16. С. 45–46]. Наконец, исследования подтверждают, что немануальные маркеры могут использоваться при актуальном членении предложения. К примеру, в американском, русском и каталонском ЖЯ [9. Р. 390] при выделении темы в высказывании важную роль играют приподнятые брови.

Наиболее заметно значимость немануального компонента проявляется в просодическом сопровождении, когда скорость жестикуляции в сочетании с особенностями работы немануальных артикуляторов регулируют интонацию высказывания, позволяют делать ударение на тех или иных понятиях. Зачастую роль немануальных маркеров в жестовой речи сравнивается с аналогичную ролью знаков препинания в речи письменной и тональности в речи звучащей [17. Р. 237].

Некоторые исследователи выделяют особую функцию немануальных маркеров, в частности артикуляции и жестов рта, в качестве показателя некоторых социолингвистических различий в сурдосообществе. Так, работа британских исследовательниц Рейчел Саттон-Спенс и Бенси Уолл на материале британского ЖЯ показала, что особенности артикуляционного сопровождения мануальных жестов могут проявляться в зависимости от языковой политики государства в отношении национального ЖЯ, методики обучения глухих в школах, распространенности ЖЯ на определенной территории, а также окружения глухого и степени его взаимодействия со звучащим языком, маркируя также возможную принадлежность к определенному «социальному классу» [18. Р. 23–24]. Помимо прочего, отмечается, что те или иные маркеры, свойственные «основному» ЖЯ, могут отсутствовать в некоторых его вариантах. Например, в деревенском диалекте баийского ЖЯ не используется артикуляция, сопровождающая жесты в его общепринятом варианте [4. Р. 39].

Мультиязычие и проблема взаимопонятности жестовых языков

Мультиязычие, называемое также многоязычием, полиязычием и плюрилингвизмом, – это практика использования двух и более языков, а также владение связанными с ними социокультурными аспектами коммуникации. В контексте жестовой речи мультиязычие может проявляться унимодально, т.е. владением несколькими ЖЯ, либо бимодально – одновременным владением жестовым и звучащим языками. В узком смысле под мультиязычием глухих понимается прежде всего унимодальное значение [19. Р. 3].

В рамках настоящего исследования необходимо обзорно рассмотреть два следующих явления. Во-первых, важным аспектом изучения языков в контексте их взаимодействия является определение их языкового родства. Одни из первых работ, изучавших генетико-исторические связи между жестовыми языками, касались реконструкции их семейного дерева с определением общего праязыка. Американский исследователь Ллойд Андерсон,

проанализировав первые источники, упоминающие ЖЯ, назвал таковым юго-восточный европейский ЖЯ, который, по его мнению, разделился на протофранцузский, старопольский и протоиспанский языки [20. Р. 27]. Следуя этой гипотезе, Можно сказать, что протофранцузский породил русский, американский и многие европейские ЖЯ; протоиспанский стал предком испанского, венесуэльского и ирландского ЖЯ, а британский, германский и шведский ЖЯ произошли от другого – общего северо-восточного европейского ЖЯ. Позже часть предложенных Андерсеном отношений была опровергнута (к примеру, сейчас доказано, что ирландский ЖЯ родствен французскому, но не испанскому ЖЯ [21]), однако проделанная работа стала первой и очень важной попыткой категоризации жестовых языков.

Другой подход предложил квебекский компаративист Анри Виттманн в статье «Classification linguistique des langues signées non vocalement» [22]. Основываясь на схожести лексики разных ЖЯ и их зарегистрированных языковых контактах, Виттманн выделил следующие семьи жестовых языков: французскую, британскую, японскую, немецкую, лионскую и две семьи-прототипа. Ввиду того, что предложенная классификация недостаточно полно освещала известные языки, позже список пополнился арабской, шведской и другими семьями, в том числе семьями языков-изолятов. В настоящий момент дополненная классификация Виттманна считается наиболее подробной и обоснованной, она также цитируется в базе данных Ethnologue (см. характеристику видеоматериала).

Следует отметить попытку объединения ЖЯ в семьи на основании схожести элементов их мануальных азбук – дактилем. Так, проанализировав и сопоставив современные и исторические варианты ручных азбук европейских жестовых языков (всего 76 азбук), исследователи выделили шесть главных языковых групп, включая три большие (австралийскую, британскую, французскую), три малые (русскую, испанскую и шведскую), а также совсем малые группы (польскую, афгано-иорданскую) и языки-изоляты [23. Р. 7].

Как видно, результаты классификаций различаются – языки делятся на семьи и группы в зависимости от типа и материала исследования. Необходимо сказать, что жестовая лингвистика еще не разработала какие-либо принципиальные методы установления принадлежности того или иного ЖЯ к определенной языковой семье [24. Р. 15], поэтому на данный момент не представляется возможным создание сбалансированной и объективной выборки родственных языков. Тем не менее в упомянутых выше работах, а также в ряде других исследований, в том числе в обзорных теоретических трудах [25], многие классификации совпадают. Это дает основание полагать, что некоторые языковые отношения определены достаточно достоверно – в частности, отношения между языками, используемыми в настоящей работе. Так, опираясь на дополненную классификацию Виттманна, лингвисты относят русский, французский и итальянский ЖЯ к французской семье, французский бельгийский ЖЯ – к лионской, германский ЖЯ – к германской.

Далее, поднимая вопрос об особенностях функционирования и значимости немануального компонента в процессе межъязыкового общения,

следует описать проблему взаимопонятности разных ЖЯ. Несмотря на очевидные различия между жестовыми языками, глухие и слабослышащие из разных стран могут найти некоторое взаимопонимание, зависящее прежде всего от интенсивности контактов между конкретными языками и их генетической близости. К факторам, облегчающим понимание иностранного ЖЯ, относят:

1) схожесть лексики, т.е. процент совпадения жестов, используемых в разных языках для аналогичных понятий;

2) иконичность жестов – многие базовые понятия в ЖЯ представлены жестами, чья форма и, чаще всего, мануальная конфигурация отражают обозначаемое понятие [26. С. 42]. С иконичностью также связано явление транспарентности, или прозрачности, – образное свойство жеста, обуславливающее его понимание слышащими людьми. «Прозрачных» жестов, следует отметить, в ЖЯ не так много – к примеру, в исследовании на материале итальянского ЖЯ слышащие информанты, не владеющие никаким жестовым языком, смогли узнать лишь 10% транслируемых жестов [27];

3) некоторые грамматические структуры, выражающиеся мануально, например классификаторные конструкции, обозначающие класс предметов, и многократное исполнение жеста, выражающее множественное число или повторяемость действия [28];

4) некоторые элементы немануального компонента: в частности, отмечают значимость артикуляции, сопровождающей жест в калькирующей речи [29. Р. 354], и выражения лица [30].

Ввиду того, что функции немануального компонента, упомянутые ранее, присущи многим жестовым языкам, их носители, в зависимости от конкретной пары языков, могут гораздо легче распознать тон и настроение собеседника, а также некоторые грамматические конструкции.

Проблема исследования и постановка гипотезы

В данной работе мы решили уточнить коммуникативный потенциал немануального компонента, проявляемый в рамках мультязычной коммуникации носителей и пользователей разных жестовых языков. Как показано выше, немануальные маркеры жестовой речи нечасто интересуют исследователей в своей совокупности: в основном особое внимание уделяется отдельным компонентам – артикуляции, жестам рта, движению бровей, поворотам головы и т.д. Более того, как правило, исследуются не столько коммуникативные функции этих маркеров в целом и то воздействие, которое они оказывают непосредственно на процесс коммуникации, сколько те свойства, которые ими выражаются в рамках отдельных грамматических явлений. Исходя из этого, цель настоящего исследования состоит в рассмотрении немануального компонента в качестве комплексного языкового явления, а также в определении степени влияния немануальных маркеров на понимание и восприятие речи в условиях мультязычной жестовой коммуникации.

Несмотря на имеющиеся лакуны, мы привели примеры, которые нам кажутся достаточными для формулирования следующей гипотезы: в ходе межъязыкового унимодального общения носителей и пользователей разных жестовых языков немануальные маркеры в своей совокупности могут проявить специфическую функцию, способствующую пониманию иностранной жестовой речи. Развивая выдвинутую гипотезу, мы также предположили, что степень влияния немануальных маркеров на восприятие иностранной жестовой речи может зависеть от отношений между используемыми коммуникантами языками. Для первичной верификации гипотезы был проведен эксперимент с элементами мультимедийного опроса носителей и пользователей двух жестовых языков. Практическая часть исследования разделилась на следующие этапы:

1) определение групп респондентов и подбор соответствующего им набора материалов;

2) составление анкеты;

3) проведение опроса и анализ полученных ответов.

Далее последовательно опишем результаты каждого этапа работы.

Материал исследования

Респонденты и языки

В эксперименте приняли участие две группы респондентов общей численностью 68 человек. Первая группа состоит из мужчин и женщин в возрасте от 17 до 57 лет – всего 35 носителей и пользователей русского жестового языка, включая 12 человек без нарушения слуха (7 слышащих и 5 слышащих детей глухих родителей) и 23 человека с нарушением слуха (19 глухих и 4 слабослышащих). Вторая группа представлена мужчинами и женщинами от 19 до 52 лет – всего 33 носителя и пользователя французского жестового языка, среди которых 12 человек без нарушения слуха (9 слышащих и 3 слышащих ребенка глухих родителей) и 21 человек с нарушением слуха (17 глухих и 4 слабослышащих).

Характеризуя выборку респондентов, следует отметить, что избранное количество участников в группах и подгруппах может оказаться недостаточно сбалансированным, а потому менее репрезентативным для формулирования комплексных выводов. Поэтому представленные далее результаты оцениваются нами как предварительные и нуждающиеся в последующей проверке, что определяет ход и перспективы дальнейших исследований.

Видеоматериал

Поскольку в настоящее время одним из наиболее удобных способов фиксации жестовой речи с целью ее перевода и исследования является жестовый корпус, для практической части работы мы воспользовались поиском по национальным корпусам русского [31], французского бельгийского [32] и германского [33] жестовых языков. Учитывая, что для итальянского

ЖЯ открытый корпус еще не разработан, материал с его использованием мы взяли с ресурса *Vabbel Italia* [34]. Таким образом, были отобраны 8 видеороликов, включая монологи, спонтанные нарративы или часть интервью – по два ролика на русский (RSL, французская семья [35]), французский бельгийский (LSFB, лионская семья [22]), итальянский (LIS, французская семья [36]) и германский (DGS, германская семья [37]) ЖЯ. Языки выбирались исходя из их отношений с языками информантов обеих групп – исторических и родственных связей, а также принадлежности к определенной семье. Так, в опросе каждой группы был язык:

- 1) родственный языку респондента;
- 2) неродственный, но близкий / имеющий некоторые устойчивые связи с языком респондента;
- 3) неродственный и не имеющий никаких устойчивых связей с языком респондента.

Опираясь на упомянутую выше дополненную классификацию Виттманна, мы определили следующие связи между жестовыми языками. Для русской группы родственным является итальянский ЖЯ (относится к одной языковой семье), неродственным, но близким – французский бельгийский ЖЯ (имеются исторические связи между языковыми семьями), не имеющим никаких связей – германский ЖЯ (разные семьи, исторические связи которых не доказаны). На тех же основаниях набор языков для французской группы представлен русским, французским бельгийским и германским ЖЯ соответственно.

В каждой моноязычной паре присутствовали ролик с высокой концентрацией немануальных маркеров (ролик 1) и, напротив, ролик с их менее частым вовлечением в процесс повествования (ролик 2). Отбор таких роликов производился на основе вычисления процентного соотношения:

- 1) всех немануально маркированных жестов ко всем жестам¹, используемым в конкретном ролике;
- 2) немануальных маркеров разного типа (артикуляция, жесты рта, движение бровей, направление взгляда, движения головой и корпусом тела) к общему количеству немануально маркированных жестов, используемых в конкретном ролике.

Тематика текстов и действующие лица различны, в то время как жанр роликов в основном единообразен – в кадре повествование ведется одним носителем языка, отвечающим на определенный вопрос или читающим монолог на заданную тему. Далее кратко охарактеризуем каждую пару роликов.

Русский ЖЯ представлен:

- 1) рассказом по картинке «Шляпа» о подростках, обкидывающих пожилого мужчину снежками в попытке скинуть с него шляпу. Длительность – 28 секунд. Из 50 жестов немануально маркированы 40 (80%). Наиболее часто используемыми маркерами в ролике являются движение бровей (60%) и губные жесты (40%);

¹ Под «жестом» понимается отдельное законченное понятие, выраженное мануально (движением одной или двух рук) или немануально.

2) спонтанным нарративом «Глухие в автобусе» о беседе глухих и реакции слышащих на их жестовую речь. Длительность – 40 секунд. Из 77 жестов немануально маркированы 38 (49%). Наиболее часто используемыми маркерами являются движение бровей (45%) и движения головой и корпусом тела (32%).

Французский бельгийский ЖЯ представлен:

1) монологом «Langue des signes et émotions» (фр. «Жестовый язык и эмоции») о проявлении эмоций и его последствиях. Длительность – 41 секунда. Из 88 жестов немануально маркированы 72 (82%). Наиболее часто жесты здесь сопровождаются артикуляцией (42%) и жестами рта (28%);

2) рассказом «Huprolite» («Ипполит») о собственном жестовом имени. Длительность – 18 секунд. Из 34 жестов немануально маркированы 14 (41%). Наиболее часто жесты сопровождаются артикуляцией (71%).

Обе записи на итальянском ЖЯ являются отрывками из ролика «Le espressioni facciali» (ит. «Выражение лица»):

1) первая запись длится 16 секунд и состоит из нескольких жестовых высказываний о разнице красивого и некрасивого. Из 10 жестов немануально маркированы 8 (80%). Наиболее часто жесты сопровождаются движением бровей (87%);

2) вторая запись длится 17 секунд и повествует о функциях выражения лица. Из 25 жестов немануально маркированы 13 (52%). Наиболее часто жесты сопровождаются движением бровей (46%).

Германский ЖЯ представлен:

1) монологом «Kennedy» («Кеннеди») о реакции на убийство президента США. Длительность – 39 секунд. Из 75 жестов немануально маркированы 63 (84%). Наиболее часто используются артикуляция (63%), движения головой и корпусом тела (44%);

2) монологом «Krankenhaus» (нем. «Госпиталь») о болезни близкого человека. Длительность – 40 секунд. Из 126 жестов немануально маркированы 65 (52%). Чаще всего используются артикуляция (66%) и движения головой и корпусом тела (30%).

Структура анкеты

Респонденту каждой группы было предложено посмотреть 6 видеороликов – по два ролика на один жестовый язык. К каждому ролику прилагались 4 вопроса, сформулированные письменно на русском или французском языке. Ответы респондентов также давались в письменной форме. Точные формулировки вопросов представлены ниже:

1. О чем данный видеоролик? (перескажите все, что поняли) / De quoi s'agit-il? (recitez tout ce que vous avez compris)

2. Преимущественно в каком времени идет повествование: настоящем, прошедшем или будущем? / Quel temps utilise-t-on principalement: présent, passé ou futur?

3. Сложно ли было понять речь говорящего? / Était-t-il difficile à comprendre?

4. Что, на ваш взгляд, облегчило понимание: знакомые жесты рук, мимика, артикуляция и жесты рта, движения головой и корпусом тела или «другое»? / À votre avis, quelles sont les choses facilitant la compréhension: gestes manuels familiers, expression du visage, articulation de la bouche, mouvements de la tête ou du corps ou «autre»?

Таким образом, каждому респонденту обеих групп в общей сложности нужно было ответить на 24 вопроса.

Анализ полученных данных

Общее понимание роликов

Очевидным образом ролики на языках, более близких языку респондента, понимались лучше, чем ролики на неродственном языке без устойчивых связей. Так, участники русской группы точнее описывали монологи на итальянском и французском бельгийском ЖЯ, в то время как речь на германском ЖЯ поняла сравнительно малая часть опрошенных (рис. 1).

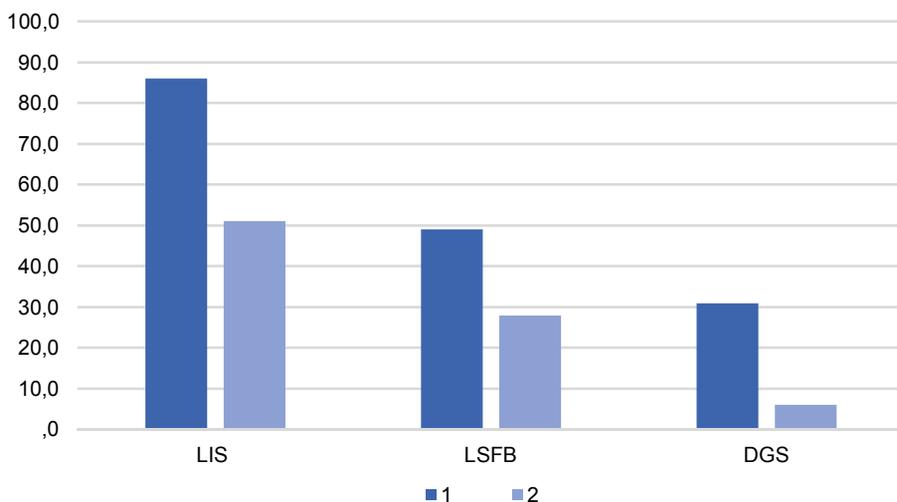

Рис. 1. Понимание роликов респондентами русской группы

Схожие результаты получились при опросе французской группы – ролики на русском и французском бельгийском ЖЯ понимались лучше, чем ролики на германском ЖЯ (рис. 2). Однако здесь, в сравнении с русской группой, участники подробнее и правильнее отвечали на вопросы к записям на языке, неродственном их родному языку, но имеющем с ним некоторые связи. По оценке самих респондентов, высокую степень понимания этих записей определил элемент артикуляционного сопровождения жестов, имеющих разное мануальное воплощение в двух ЖЯ, но располагающих одним и тем же словом в звучащей речи.

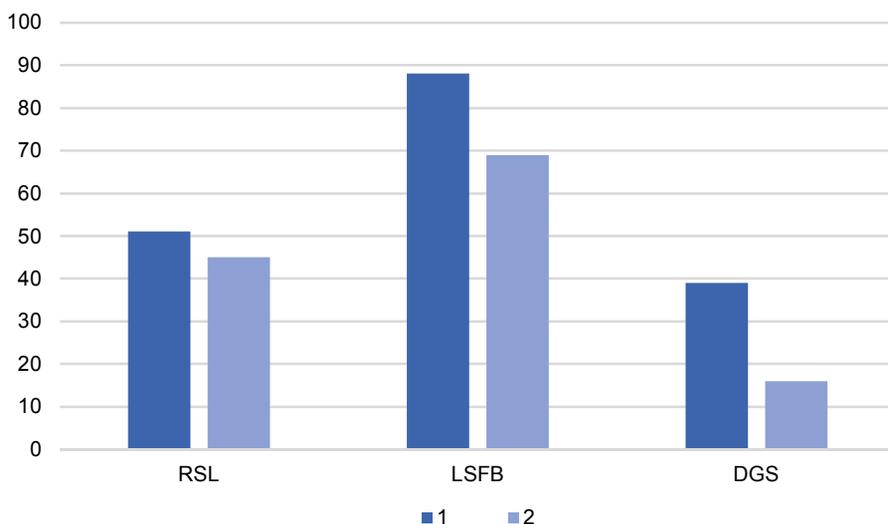

Рис. 2. Понимание роликов респондентами французской группы

Помимо темы ролика, нужно было также определить используемое при повествовании время – настоящее, прошедшее или будущее. В основном с этим заданием успешно справлялись участники обеих групп. В среднем 60% ответов респондентов русской группы оказывались верными, во французской группе средний результат составляет 72%.

Сравнивая ответы респондентов двух групп, можно отметить, что участники французской группы в целом справлялись с заданиями лучше, чем участники русской группы. Более того, в процентном соотношении людей, не сумевших описать ни одно видео, во французской группе меньше, чем в русской (9 против 14%). Несмотря на это, французские респонденты, отвечая на вопрос о сложности понимания, чаще выбирали варианты «сложно» и «очень сложно» в сравнении с респондентами русской группы.

Поскольку сформулировать ответ предлагалось в письменной форме, следует обратить внимание на существенную разницу в уровне владения глухими и слабослышащими участниками обеих групп звучащим языком. Среди 23 таких респондентов русской группы 13 человек (56%) отвечали односложно или оставляли слова-метки вместо полноценного описания. В то же время во французской группе из 21 неслышащего участника лишь у четырех (19%) возникли трудности с выражением мыслей на звучащем языке.

Немануальный компонент

По полученным ответам видно, что монологи с наибольшей концентрацией немануальных маркеров понимались и интерпретировались участниками обеих групп лучше, чем монологи с менее частым их использованием. Так, в русской группе ролики с наибольшим числом маркированных

жестов верно описывали от 31 до 86% участников. Пересказ роликов с более редким употреблением немануальных жестов вызывал большие трудности – здесь справлялись от 14 до 51% респондентов.

Аналогичны результаты опроса французской группы. Правильно и наиболее полно передать сюжет записей с частым использованием немануальных маркеров смогли от 39 до 88% участников. Речь с меньшим количеством немануальных жестов также понималась хуже, с этим заданием справлялись от 16 до 69% респондентов.

В зависимости от языка и конкретного ролика респонденты отмечали разные элементы, которые, на их взгляд, могли поспособствовать пониманию того или иного монолога. В основном они выбирали маркеры, которые преобладали в каждом конкретном ролике, однако чаще выделялось мимическое сопровождение (рис. 3, 4).

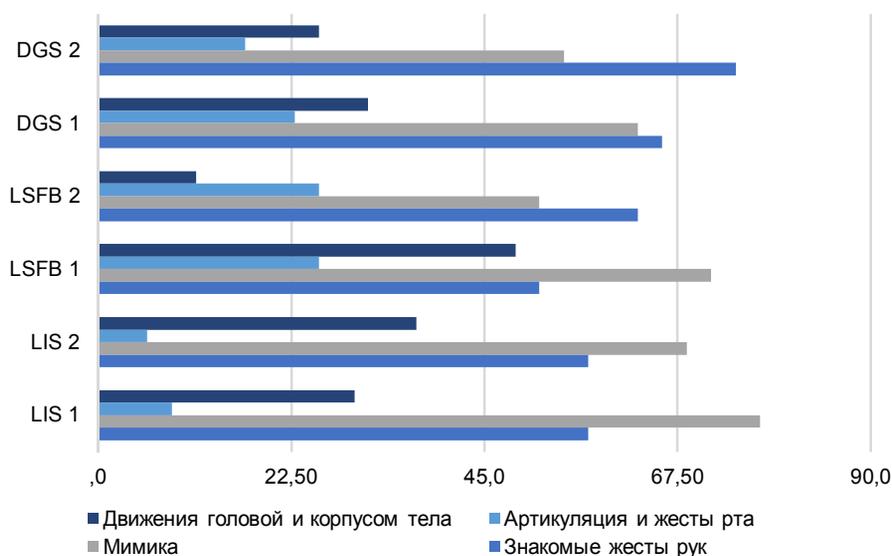

Рис. 3. Элементы, облегчающие восприятие. Русская группа

Так, среди всех представленных вариантов «мимика» преобладает в ответах к трем роликам из шести в русской группе, где ее выбирали от 51 до 77% участников, и в трех роликах из шести во французской группе с результатами от 50 до 94%. Артикуляцию и жесты рта отмечали реже – от 6 до 26% в русской группе, от 19 до 73% во французской. Движения головой и корпусом тела выбирали от 11 до 49% в русской группе и от 31 до 79% во французской группе. Вариант с мануальными жестами преобладал в трех роликах опроса русской группы (с результатами от 51 до 74%) и в двух роликах в опросе французской группы (от 62 до 76%).

Как видно, мануальные жесты, в силу своей большей распространенности, играют безусловно важную роль в процессе межъязыкового общения – больше половины респондентов обеих групп обращали внимание именно на мануальную составляющую речи.

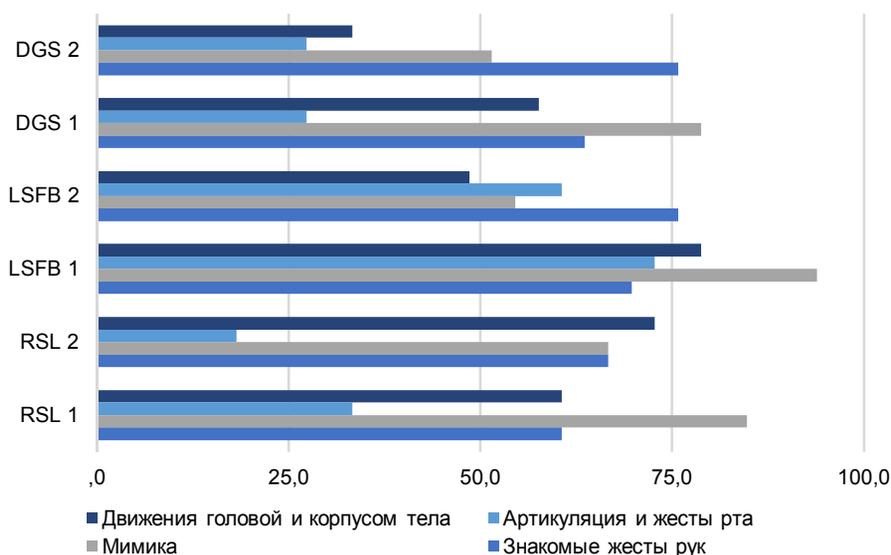

Рис. 4. Элементы, облегчающие восприятие. Французская группа

Тем не менее полученные результаты показывают, что нельзя отрицать важность немануальных жестов. Несмотря на значительный разброс в ответах и разницу в предпочтениях русской и французской групп, и те и другие участники оценивают мимическое сопровождение как один из наиболее значимых компонентов межъязыковой коммуникации наравне с жестами рук. Движения головой и корпусом тела также отметила значительная часть респондентов. Неуниверсальность применения артикуляции и неясную роль жестов рта подтверждают ответы участников русской группы, национальный звучащий язык которой не связан ни с одним из представленных роликами языков.

Важным выводом настоящего исследования является то, что значимость немануального компонента и степень его влияния на понимание иностранной речи зависят от отношений между языками информантов, в данном случае – между жестовым языком респондента и языком, используемым в предложенном видеоролике. Так, в обеих группах на вопрос об элементах, облегчающих понимание ролика, немануальные маркеры лидировали в основном в ответах к роликам на близких или относительно близких респондентам языках – в обоих роликах на итальянском ЖЯ и в одном из роликов на французском бельгийском ЖЯ в русской группе; в обоих роликах на русском ЖЯ и в одном ролике на французском бельгийском ЖЯ во французской группе. Знакомые жесты рук чаще отмечали в ответах к записям на германском ЖЯ – наиболее сложном для восприятия всеми респондентами. В русской группе мануальные жесты лидируют в обоих роликах, во французской группе – в одном из роликов. Таким образом, можно проследить следующую связь: чем сложнее для восприятия язык,

тем больше внимания респонденты обращают на жесты рук, а чем ближе и «знакомее» язык, тем большее влияние на его понимание оказывают немануальные жесты.

Выводы и перспективы

В данной статье была предпринята попытка выдвижения и первичного подтверждения гипотезы о наличии у немануальных маркеров специфической функции, облегчающей восприятие и понимание иностранной жестовой речи. Проведя эксперимент с группами носителей и пользователей русского и французского жестовых языков, мы предварительно подтвердили оба выдвигаемых тезиса:

1. Обилие немануально маркированных жестов действительно может облегчить восприятие иностранной жестовой речи: вне зависимости от связей в языковой паре, более полную и верную интерпретацию увиденного респонденты представляли при описании роликов с наибольшей концентрацией немануального компонента.

2. Значимость немануального компонента и степень его влияния на понимание конкретного ЖЯ зависят от отношений между языками информантов. Чем сложнее для восприятия язык, тем большую роль в его понимании играют жесты рук, и напротив, чем ближе язык исторически или генетически, тем большее влияние на этот процесс оказывают немануальные жесты.

Полученные нами результаты решают поставленную проблему исследования, но поднимают новые вопросы. В ходе работы мы старались поместить участников эксперимента в условия унимодального мультязычия, предложив им воспринимать и интерпретировать информацию, передаваемую в визуально-жестовой модальности, с одного ЖЯ на другой. Однако ввиду того, что в ходе выполнения заданий участники контактировали и со звучащим языком – читая формулировки и предоставляя ответы, будет не совсем корректно утверждать, что эксперимент состоялся с использованием лишь жестовой речи. Очевидным образом возникает вопрос: отличались бы результаты аналогичного опроса, если бы при формулировании задания и предоставлении ответа использовался родной жестовый язык респондента? Достоверно ответить на него без предварительных исследований нельзя, но мы склонны полагать, что необходимость отвечать на вопросы в письменной форме повлияла на качество интерпретации речи как минимум в русской группе. Так, одной из перспектив дальнейших исследований поставленной проблемы является работа с использованием исключительно жестовых языков.

Другой аспект связан с выборкой респондентов. В настоящей работе приняли участие в основном бимодальные билингвы, владеющие одним жестовым языком и одним или несколькими звучащими языками, однако не столь редки случаи одновременного владения несколькими ЖЯ – это распространено, например, в академической среде исследователей жестовой речи или среди людей, живущих на границе государств с разными нацио-

нальными ЖЯ. Таким образом, перспективным кажется проведение аналогичного опроса среди респондентов, практикующих унимодальное мультиязычие. Так мы планируем, во-первых, определить степень влияния владения несколькими ЖЯ на осуществление мультиязычной коммуникации. Во-вторых, актуальным видится продолжение исследования роли немануального компонента, проводимого теперь уже полностью в унимодальных условиях. Следует также подчеркнуть необходимость привлечения большего числа участников в целях увеличения репрезентативности выборки и повышения объективности оценки полученных результатов.

Литература

1. *Stokoe W.* Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication System of the American Deaf // *Studies in linguistics: Occasional papers.* 1960. № 8. 78 p.
2. *Cuxac C.* La langues des signes française: les voies de l'iconicité. Paris : Ophrys, 2000. 391 p.
3. *Battison R.M.* Phonological deletion in American Sign Language // *Sign Language Studies.* 1974. Vol. 5. P. 1–19.
4. *Bauer A.* Артикуляция слов в русском жестовом языке (РЖЯ) // *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress. Die Welt der Slaven. Sammelbände.* P. 35–45.
5. *Bellugi U., Corina D.P., Reilly J.* Neuropsychological studies of linguistic and affective facial expressions in deaf signers // *Language and Speech.* 1999. № 2. P. 307–331.
6. *Chételet-Pelé E.* Les Gestes Non Manuels en Langue des Signes Française; Annotation, analyse et formalisation : application aux mouvements des sourcils et aux clignements des yeux. Aix-Marseille, 2010. 199 p.
7. *Crasborn O.A.* Non-Manual Structures of Sign Languages // *Encyclopedia of Language & Linguistics, Second Edition.* 2006. Vol. 8. P. 668–672.
8. *Денисова Е.А.* Комбинированные жесты в русском жестовом языке // *Русский жестовый язык: законодательство, исследования, образование. I межрегиональная научно-практическая конференция.* 2017. С. 88–91.
9. *Pfau R., Quer J.* Nonmanuals: their grammatical and prosodic roles // *Sign languages (Cambridge Language Surveys).* Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 381–402.
10. *Kimmelman V.* Parts of speech in Russian Sign Language: The role of iconicity and economy // *Sign Language & Linguistics.* 2009. № 12/2. P. 161–186.
11. *Hunger B.* Noun/verb pairs in Austrian sign language (ÖGS) // *Sign Language & Linguistics.* 2006. № 9/1. P. 71–94.
12. *Mohr S.* Mouth Actions in Sign Languages: An Empirical Study of Irish Sign Language. Berlin: De Gruyter, 2014. 231 p.
13. *Tomaszewski P., Farris M.* Not by the hands alone: Functions of non-manual features in Polish Sign Language // *Studies in the Psychology Of language and Communication.* Warsaw: Matrix, 2010. P. 289–320.
14. *Zeshan U.* Hand, Head and Face – Negative Constructions in Sign Languages // *Linguistic Typology.* 2004. Vol. 8. P. 1–58.
15. *Johnston T.* A corpus-based study of the role of headshaking in negation in Auslan (Australian Sign Language): implications for signed language typology // *Linguistic Typology.* 2018. Vol. 22 (1). P. 185–231.
16. *Бородулина Д.А.* Средства выражения императива в русском жестовом языке // *Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция* : сб. ст. 2012. С. 45–46.
17. *Wilbur R.B.* Phonological and prosodic layering of nonmanuals in American Sign Language // *The signs of language revisited: An Anthology to Honor Ursula Bellugi and Edward Klima.* Hove : Psychology Press, 2000. P. 215–244.

18. *Sutton-Spence R., Woll B.* The Linguistics of British Sign Language: An Introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 299 p.
19. *Adamou E., Crasborn O., Webster J., Zeshan U.* Forces shaping sign multilingualism // Sign multilingualism. Berlin : Mouton De Gruyter, 2019. 1–22 p.
20. *Woll B., Sutton-Spence R., Elton, F.* Multilingualism: The Global Approach to Sign Languages // The Sociolinguistics of Sign Languages. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 8–32.
21. *Matthews P.* The Irish Deaf Community: Survey Report, History of Education, Language and Culture. Vol. 1. Dublin : Linguistic Institute of Ireland, 1996. 295 p.
22. *Wittmann H.* Classification linguistique des langues signées non vocalement // Revue québécoise de linguistique théorique et appliquée. 1991. Vol. 10, № 1. P. 215–288.
23. *Power J.M., Grimm G.W., List J.-M.* Evolutionary dynamics in the dispersal of sign Languages // Royal Society Open Science. 2020. Vol. 7, № 1. P. 1–15. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/full/10.1098/rsos.191100>
24. *Zeshan U.* Interrogative and Negative Constructions in Sign Languages. Nijmegen : Isphara press, 2006. 365 p.
25. *Fischer S.D.* Sign languages in their historical context // The Routledge Handbook of Historical Linguistics. Abingdon : Routledge, 2015. P. 442–465.
26. *Борусова Л.В.* Категория иконичности в современной лингвофилософии // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 2. С. 41–45.
27. *Pizzuto E., Volterra V.* Iconicity and transparency in sign languages: a cross-linguistic cross-cultural view // The Signs of Language Revisited: An Anthology to Honor Ursula Bellugi and Edward Klima. Hove : Psychology Press, 2000. P. 261–286.
28. *Meir I., Sandler W.* A language in space: The story of Israeli Sign Language. New York : Lawrence Erlbaum, 2008. 352 p.
29. *Sáfár A. Meurant L., Haesenne T., Nauta H., De Weerdt D., Ormel E.* Mutual intelligibility among the sign languages of Belgium and the Netherlands // Linguistics. 2015. № 53/2. P. 353–374.
30. *Perniss P., Pfau R.* Can't you see the difference? Sources of variation in sign language structure // Visible variation: Comparative studies on sign language structure. Berlin : De Gruyter, 2007. P. 1–34.
31. *Корпус русского жестового языка.* URL: <http://rsl.nstu.ru/>
32. *Corpus LSFB.* URL: <https://www.corpus-lsfb.be/index.php>
33. *DGS Corpus.* URL: www.sign-lang.uni-hamburg.de/dgs-korpus/index.php/korpus.html
34. *Babbel Italia.* URL: <https://it.babbel.com/it/magazine/babbel-e-la-lingua-dei-segni-italiana>
35. *Russian Sign Language* // Ethnologue: Languages of the World. 22nd Edition. 2019. URL: <https://www.ethnologue.com/language/rsl>
36. *Italian Sign Language* // Ethnologue: Languages of the World. 22nd Edition. 2019. URL: <https://www.ethnologue.com/language/ise>
37. *German Sign Language* // Ethnologue: Languages of the World. 22nd Edition. 2019. URL: <https://www.ethnologue.com/language/gsg>

Non-Manual Features in Multilingual Sign Language Communication

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 71. 38–55. DOI: 10.17223/19986645/71/3

Galina V. Gubina, Maria O. Guzikova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: golovanic@gmail.com / m.o.guzikova@urfu.ru

Keywords: sign language, non-manual features, non-manual markers, sign multilingualism, bimodality, unimodality, multilingual communication of the deaf.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 17-29-09136/19.

The aim of the article is to determine the role of non-manual features of sign languages (SLs) in the multilingual communication of deaf, hard of hearing and hearing people. Non-manual features refer to significant speech markers (“non-manual markers”) such as facial expressions, mouth articulation, head and body movements. The study hypothesizes that a set of non-manual markers has a specific function that can facilitate understanding of a foreign sign language. Extending the hypothesis, we assume that the influence of non-manual features on perception of a foreign SL depends on the genetic and historical links between the languages. In the course of the study, we conducted an experiment with a multimedia survey of two groups of respondents: Russian (35 people) and French (33 people) groups with deaf, hearing and hard of hearing participants. Both groups were offered videos in foreign SLs and questions that determined the degree and complexity of understanding, as well as a subjective assessment of the role of manual and non-manual signs in the perception of each video. We used videos in three sign languages, of which the first was related to the respondent’s SL; the second was not related, but had some historical connection with the respondent’s SL; the third was not related and had no connection with the respondent’s SL. Based on Henri Wittmann’s classification, we determined that for the Russian group these languages were Italian SL, French Belgian SL and German SL, while for the French group we chose Russian SL, French Belgian SL and German SL, respectively. For each language, we selected a video with frequent use of non-manual features (80% or more of marked signs) and a video with a lesser degree of their involvement in the narrative process (52% or less of marked signs) – six videos in three foreign SLs for each group in total. As a result of the experiment, we received preliminary confirmation of the hypothesis and came to the following primary conclusions. First, the abundance of non-manually marked signs can facilitate the perception of a foreign sign language: regardless of the relations in the language pair, respondents described videos with a higher concentration of non-manual markers better. Second, the significance of non-manual features and the degree of their influence on the understanding of a particular SL depend on the relationship between the informants’ languages and tend to increase by contact with a closer one, while manual signs play a more important role when interacting with an unrelated language. For more comprehensive conclusions, further studies are planned, including the participation of a larger number of respondents.

References

1. Stokoe, W. (1960) Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication System of the American Deaf. *Studies in linguistics: Occasional Papers*. 8.
2. Cuxac, C. (2000) *La langues des signes française: les voies de l’iconicité* [French sign language: the ways of iconicity]. Paris: Ophrys.
3. Battison, R.M. (1974) Phonological deletion in American Sign Language. *Sign Language Studies*. 5. pp. 1–19.
4. Bauer, A. (2018) Artikulyatsiya slov v russkom zhestovomazykye [Articulation of words in Russian sign language]. *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress. Die Welt der Slaven. Sammelbände* [German contributions to the 16th international Slavist Congress. The World of Slavs. Anthologies]. pp. 35–45.
5. Bellugi, U., Corina, D.P. & Reilly, J. (1999) Neuropsychological studies of linguistic and affective facial expressions in deaf signers. *Language and Speech*. 2. pp. 307–331.
6. Chételat-Pelé, E. (2010) *Les Gestes Non Manuels en Langue des Signes Française; Annotation, analyse et formalisation: application aux mouvements des sourcils et aux clignements des yeux* [Non-manual signs in French Sign Language; Annotation, analysis and formalization: application to eyebrow movements and blinking]. PhD thesis. Aix-Marseille.
7. Crasborn, O.A. (2006) Non-Manual Structures of Sign Languages. In: Brown, K. (ed.) *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Second Edition. Elsevier. 8. pp. 668–672.
8. Denisova, E.A. (2017) [The combined gestures of Russian sign language]. *Russkiy zhestovyy yazyk: zakonodatel'stvo, issledovaniya, obrazovanie* [Russian sign language: legislation, research, education]. Conference Proceedings. Krasnoyarsk: [s.n.]. pp. 88–91. (In Russian).

9. Pfau, R. & Quer, J. (2010) Nonmanuals: their grammatical and prosodic roles. In: Bren-tari, D. (ed.) *Sign languages (Cambridge Language Surveys)*. Cambridge: Cambridge Univer-sity Press. pp. 381–402.
10. Kimmelman, V. (2009) Parts of speech in Russian Sign Language: The role of iconici-ty and economy. *Sign Language & Linguistics*. 12/2. pp. 161–186.
11. Hunger, B. (2006) Noun/verb pairs in Austrian sign language (ÖGS). *Sign Language & Linguistics*. 9/1. pp. 71–94.
12. Mohr, S. (2014) *Mouth Actions in Sign Languages: An Empirical Study of Irish Sign Language*. Berlin: De Gruyter.
13. Tomaszewski, P. & Farris, M. (2010) Not by the hands alone: Functions of non-manual features in Polish Sign Language. In: Bokus, B. (ed.) *Studies in the Psychology of language and Communication*. Warsaw: Matrix. pp. 289–320.
14. Zeshan, U. (2004) Hand, Head and Face – Negative Constructions in Sign Languages. *Linguistic Typology*. 8. pp. 1–58.
15. Johnston, T. (2018) A corpus-based study of the role of headshaking in negation in Auslan (Australian Sign Language): implications for signed language typology. *Linguistic Typology*. 22 (2). pp. 185–231.
16. Borodulina, D.A. (2012) [Means of expressing an imperative in Russian sign lan-guage]. *Russkiy zhestovyy yazyk: Pervaya lingvisticheskaya konferentsiya* [Russian sign lan-guage: The 1st linguistic conference]. Conference Proceedings. Moscow: Moscow State University. pp. 45–46. (In Russian).
17. Wilbur, R.B. (2000) Phonological and prosodic layering of nonmanuals in American Sign Language. *The Signs of Language Revisited: An Anthology to Honor Ursula Bellugi and Edward Klima*. Hove: Psychology Press. pp. 215–244.
18. Sutton-Spence, R. & Woll, B. (1999) *The Linguistics of British Sign Language: An In-troduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Adamou, E., Crasborn, O., Webster, J. & Zeshan, U. (2019) Forces shaping sign mul-tilingualism. In: Webster, J. & Zeshan, U. (eds) *Sign multilingualism*. Berlin: Mouton De Gruyter. pp. 1–22.
20. Woll, B., Sutton-Spence, R. & Elton, F. (2001) Multilingualism: The Global Ap-proach to Sign Languages. In: Ceil, L. (ed.) *The Sociolinguistics of Sign Languages*. Cam-bridge: Cambridge University Press. pp. 8–32.
21. Matthews, P. (1996) *The Irish Deaf Community: Survey Report, History of Education, Language and Culture*. Vol. 1. Dublin: Linguistic Institute of Ireland.
22. Wittmann, H. (1991) Classification linguistique des langues signées non vocalement [Linguistic classification of sign languages]. *Revue québécoise de linguistique théorique et appliquée* [Quebec Journal of Theoretical and Applied Linguistics]. 10 (1). pp. 215–288.
23. Power, J.M., Grimm, G.W. & List, J.-M. (2020) Evolutionary dynamics in the disper-sal of sign Languages. *Royal Society Open Science*. 7 (1). pp. 1–15. [Online] Available from: <https://royalsocietypublishing.org/doi/full/10.1098/rsos.191100>.
24. Zeshan, U. (2006) *Interrogative and Negative Constructions in Sign Languages*. Nij-megen: Isphara press.
25. Fischer, S.D. (2015) Sign languages in their historical context. In: Evans, B. & Bower, C. (eds) *The Routledge Handbook of Historical Linguistics*. Abingdon: Routledge. pp. 442–465.
26. Borisova, L.V. (2019) Iconicity Category in the Modern Linguaphilosophy. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya – Economic and Socio-Humanitarian Studies*. 2. pp. 41–45. (In Russian).
27. Pizzuto, E. & Volterra, V. (2000) Iconicity and transparency in sign languages: a cross-linguistic cross-cultural view. In: Emmorey, K. & Lane, H. (eds) *The Signs of Language Revisited: An Anthology to Honor Ursula Bellugi and Edward Klima*. Hove: Psychology Press. pp. 261–286.

-
28. Meir, I. & Sandler, W. (2008) *A language in space: The story of Israeli Sign Language*. New York: Lawrence Erlbaum.
29. Sáfár, A. et al. (2015) Mutual intelligibility among the sign languages of Belgium and the Netherlands. *Linguistics*. 53/2. pp. 353–374.
30. Perniss, P. & Pfau, R. (2007) Can't you see the difference? Sources of variation in sign language structure. In: Perniss, P., Pfau, R. & Steinbach, M. (eds) *Visible variation: Comparative studies on sign language structure*. Berlin: De Gruyter. pp. 1–34.
31. Russian Sign Language Corpus. [Online] Available from: <http://rsl.nstu.ru/>.
32. *Corpus LSFb*. [Online] Available from: <https://www.corpus-lsfb.be/index.php>.
33. *DGS Corpus*. [Online] Available from: <http://www.sign-lang.uni-hamburg.de/dgs-korpus/index.php/korpus.html>.
34. Babel Italia. [Online] Available from: <https://it.babel.com/it/magazine/babel-e-la-lingua-dei-segni-italiana>.
35. Russian Sign Language. (2019) *Ethnologue: Languages of the World*. 22nd Edition. [Online] Available from: <https://www.ethnologue.com/language/rsl>.
36. Italian Sign Language. (2019) *Ethnologue: Languages of the World*. 22nd Edition. [Online] Available from: <https://www.ethnologue.com/language/ise>.
37. German Sign Language. (2019) *Ethnologue: Languages of the World*. 22nd Edition. [Online] Available from: <https://www.ethnologue.com/language/gsg>.